

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ — СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИИ

Клаудио Фогу

Клаудио Фогу — специалист по политике памяти и истории Италии. Адъюнкт-профессор Калифорнийского университета в Санта-Барбаре. Автор книг: *The Historic Imaginary. Politics of History in Fascist Italy* (2003), соредактор книги *The Politics of Memory in Postwar Europe* (2006).

РЖ *Как бы вы определили коллективную историческую память в ее политическом измерении?*

Я бы хотел начать с небольшого уточнения. Когда мы говорим о государствах, нам следует использовать термин «институализированная историческая память». «Институализированная» она потому, что в данном случае имеется в виду память, закрепленная в ритуалах ежегодных празднований, торжественных открытий памятников, в музеях и так далее. Это закрепление происходит при явной поддержке со стороны государства. «Историческая» же она не потому, что отсылает к каким-то прошлым событиям, но потому, что некое «историческое событие» в настоящем сохраняет свою важность. В

качестве таких событий можно рассматривать падение Берлинской стены или трагедию 11 сентября. Я хочу сказать, что государства превращают некоторые события прошлого в «исторические» посредством публичных празднований и ритуалов. Основное предназначение этой памяти — строительство и укрепление нации.

РЖ *Влияет ли институализированная память на взаимоотношения государств?*

На мой взгляд, в международных отношениях куда большую роль, чем роль памяти, играет «институализированное» забывание. Другими словами, государства заинтересованы в создании определенного выгодного имиджа. Сохранение общей памяти о прошлом не так значимо. Например, Италия и итальянцы создали себе образ «bravi Italiani», который выводил их из-под ответственности за Холокост. Поэтому, когда Рим начал процесс канонизации папы Пия XI, это не вызвало ни у кого никакого противодействия. Однако если бы Италия и итальянцы более активно участвовали в ревизионистской политике памяти, если бы они отрицали страдания евреев и других меньшинств во время фашистского правления, то их имидж «хороших парней», неспособных причинять зло, был бы серьезно поколеблен.

РЖ *Какие факторы определяют конкретные очертания исторической памяти?*

Мы можем отслеживать лишь институализированные формы памяти. Существует три фактора.

Первый — политическая среда каждого государства и та роль, которую память играет в легитимации политических репутаций партий и их лидеров. Второй — структура собственности на средства массовой информации. Свободные, не контролируемые правительством телеканалы и фильмы играют решающую роль; именно на них в цивилизованном обществе возложена миссия по организации свободной дискуссии, которая в результате может стимулировать пересмотр институализированных форм памяти. В качестве примера можно привести пересмотр отношения к антифашистскому движению Сопротивления в Италии. Наконец, третий фактор — сегодня появляется все больше доказательств того, что некоторые государства, а также политические силы могут инициировать во имя внешнеполитических соображений перемены институализированной политики памяти.

РЖ *Динамика исторической памяти — объективный процесс или же можно говорить о ее сознательном выстраивании?*

Ни то ни другое. Политика памяти должна сопрягаться с «поэтикой истории», то есть с расхожими в общественном сознании представлениями об исторических событиях и исторических процессах. Эти представления могут быть абстрагированы от

Боль от исторических ран никогда не актуализируется сама по себе, она усиливается или стихает благодаря ритуально-институализированным актам

тех событий, с которыми они были связаны изначально, и перенесены на новые события, чтобы те отложились в памяти. Именно так происходит сохранение воспоминаний об исторических событиях, и именно на этой основе

конструируется миф об исторической непрерывности. Давайте в качестве примера рассмотрим феномен итальянского *Рисорджименто*, то есть возрождения. Изначально этот термин описывал процесс объединения Италии в период с 1848 по 1860 год. Затем тот же образ был использован фашистами для концептуализации произведенной ими революции как «завершения *Рисорджименто*», а также деятелями антифашистского Сопротивления, характеризовавшими свое движение как «второе *Рисорджименто*». Риторическая преемственность может быть названа чем угодно, но только не абстракцией или фикцией. Это то дискурсивное пространство, в пределах которого сознательно или бессознательно выстраивается политика памяти на всех уровнях.

РЖ *Какую роль в формировании исторической памяти играют средства массовой информации?*

Можно было бы ответить на этот вопрос стандартно, преувеличив роль СМИ. Однако реально **нет никаких доказательств того, что отдельные исторические образы, транслируемые средствами массовой информации, откладываются в коллективную память.** Что у средств массовой информации получается действительно хорошо, так это инициирование и раздувание дебатов об институализированных и не институализированных формах памяти. В этом смысле роль средств массовой информации значительна и уникальна.

РЖ *Почему государства забывают одни исторические события и помнят другие?*

Государства не могут забывать или помнить подобно людям. Они вовлекаются в конструирование некоторых прошлых событий/процессов как «исторически значимых», происходит это через организованные споры о прошлом. То, что институализируется как память, может не иметь почти ничего общего с тем, что большие локальные или региональные группы, объединенные по половому или классовому признаку, считают средоточием своих практик

памяти. Так что, когда мы говорим о национальной политике памяти, мы имеем в виду политические классы, институализирующие историческую память. Эта институционализация является реакцией на давление со стороны идеологических и политических факторов.

РЖ *Какую роль историческая память и политика памяти играют в современной Италии?*

Сложный вопрос, на который едва ли можно ответить в двух словах. Если говорить в целом, то

Нет никаких доказательств того, что отдельные исторические образы, транслируемые средствами массовой информации, откладываются в коллективную память

«поэзия истории», то есть образ Сопротивления как «второго *Рисорджименто*» стала причиной появления в Италии уникального феномена: **институционализация памяти о Сопротивлении почти полностью затмила любые попытки «разобраться» с фашистским прошлым.** Двухлетие (*bien-nio*) (два года партизанского сопротивления) полностью вытеснило двадцатилетие (*ventennio*) (двадцать лет фашистского режима). В течение сорока лет память о Сопротивлении являлась средоточием политики памяти в поствоенной Италии.

С падением Берлинской стены и политическим торнадо, полностью вычистившим в Италии целое политическое сословие, правившее страной с 1948 года, начался новый этап политики памяти, который может быть охарактеризован как «постфашизм» или «ревизионизм». Два этих понятия отражают новый консенсус, сформировавшийся вокруг трактовки Сопротивления как «гражданской войны». Отсюда следует частичная реабилитация тех, кто сражался на «неправильной» стороне (то есть на стороне фашистов). Они объявляются введенными в заблуждение, но благородными итальянцами, имеющими право на достойную память. По мере того как политика Италии все больше поляризовалась вокруг глубоко укоренившегося почти антропологичес-

кого разделения на левых и правых, страсти вокруг новой политики памяти, связанной с идеей гражданской войны, начали кипеть не меньшие, чем во время самой гражданской войны: одна сторона обвиняет другую в попытках оправдать фашизм или, соответственно, коммунизм.

За этим образом «гражданской войны» лежит, во-первых, продолжающийся отказ подвергнуть фашистское двадцатилетие, а также имперско-колониальное прошлое Италии серьезному ос-

мыслению. Кроме того, гражданская война неразрывно связана с образом «смерти Родины», олицетворяющим события сентября 1943 года, когда Италия подписала соглашение о прекращении огня и оказалась разделенной на северную (оккупированную нацистами) и южную (освобожденную), на антифашистов-партизан и нацистов. Сам же этот образ «смерти» восходит к окончанию Первой мировой войны: фашисты использовали его для создания имиджа тех, кто правит от лица всех итальянцев, погибших в Первой мировой войне.

РЖ *Можно ли преодолеть историческую память, например, с помощью «искусства забвения» или все же исторические раны неизлечимы?*

Как я уже сказал, искусство забывания играет чрезвычайно важную роль в международных отношениях. Если говорить о внутренней политике, то пространство, высвобождаемое забвением, тут же заполняется институализированными формами памяти. **Боль от исторических ран никогда не актуализируется сама по себе, она усиливается или стихает благодаря ритуально-институализированным актам, у которых есть своя собственная логика.** ■

*Интервью подготовили
Александр Павлов
и Дмитрий Узланер*